

Глава 24

— Что?!

— Вэй Чэн поймал вора? Да быть не может... Не он ли сам вор?

Вэй Чэн и сам на мгновение замер, не ожидая, что награда от властей придет так скоро.

Пока сельчане перешептывались, бросая на него недоверчивые взгляды, в главный зал дома Ли вошли несколько стражников в темно-синих куртках, а вместе с ними — те самые две прислужницы из богатого поместья.

Возглавлял отряд высокий пристав с густой бородой и лицом, потемневшим от солнца. Громовым полосом он провозгласил:

— Где здесь староста деревни Маоси?!

Ли Маодэ поспешно вышел вперед, почтительно сложив руки:

— Господин офицер, я — староста этой деревни.

Чернолицый пристав кивнул и спросил:

— Проживают ли здесь юноша по имени Вэй Чэн и малютка, которого кличут Горшочком? Где они сейчас?

— Это наши деревенские дети, — Ли Маодэ указал на стоящих неподалеку ребят. — Вот они.

Вэй Чэн, ведя брата за руку, подошел к приставу:

— Господин, я — Вэй Чэн.

Он легонько коснулся плеча Горшочка:

— А это мой младший брат.

Офицер окинул их оценивающим взглядом, затем вопросительно посмотрел на прислужниц. Одна из них — та, что выглядела степеннее и старше, — подтвердила личность юноши едва заметным кивком.

— Вы двое, — заговорил пристав, — в переулке на Южной улице собственноручно схватили воришку по имени Ши Лю. Позже в его логове стража обнаружила краденого более чем на сотню лянов. Согласно законам династии Да Кан, всякому, кто изловит двоих воров или одного

разбойника, полагается награда в двадцать лянов серебра! Хотя вы схватили лишь одного, господин уездный судья, приняв во внимание ваш возраст и несомненную отвагу, велел выдать вам полную награду в двадцать лянов. Мы прибыли, чтобы вручить эти деньги и выразить надежду, что и впредь вы будете столь же честны, благородны и скоры на добрые дела.

— Двадцать лянов?! Я не ослышался?..

— Двадцать лянов чистого серебра!

— Неужто за поимку вора дают столько денег?!

Толпа так и ахнула. Неудивительно, что Вэй Чэн заговорил о покупке земли: двадцати лянов с лихвой хватило бы на пару отличных наделов! Односельчане смотрели на юношу с нескрываемой завистью и изумлением.

Вэй Чэн же совершенно спокойно принял из рук стражника деревянный ларец.

— Благодарю за наставления, господин офицер. Мы с братом запомним ваши слова, — ответил он, держась с достоинством, не выказывая ни излишней робости, ни хвастовства.

Пристав еще раз внимательно посмотрел на него. Юноша явно был не из простых: любой другой на его месте, получив такое богатство, либо запрыгал бы от радости, либо лишился чувств, а этот оставался невозмутим.

Вэй Тянь и Фан Вэнь переглянулись. В глазах обоих полыхала ярость и жгучая обида — они и представить не могли, что Вэй Чэну так сказочно повезет!

Больше всех, впрочем, распалилась Старая госпожа Вэй. Ее лицо перекосило от жадности.

— Господа стражники! — завопила она на весь зал. — Вы наверняка ошиблись! Этот Вэй Чэн — сам вор из воров! Посмотрите на мех у того мальчишки на шее: точь-в-точь такой же, как у моей дочери! Откуда у этих нищих взялись деньги на такую дорогую вещь?!

Она затряслась всем телом, словно в припадке:

— А что, если они заодно с тем вором, которого вы поймали?! Наверняка этот мех — часть краденого, что вы не нашли! Они просто обманули вас, чтобы выманить награду! Не верьте им, они воры!

— «Вор» да «вор»... Ты кто такая? — подала голос длиннолицая прислужница из поместья Ли, стоявшая рядом с приставом. — Кем ты им приходишь? Украли они у тебя что-то или как-то иначе обидели, что ты так беззастенчиво их порочишь?

Старуха выпятила подбородок:

— Я — его бабка! И уж если даже родня ему не верит, то как он мог совершить то доброе дело, о котором вы толкуете? Этот Вэй Чэн с самого корня гнилой!

Вэй Линьлан, разглядывая дорожную ткань наряда прислужницы, почувствовала неладное. Она робко дернула мать за рукав:

— Матушка, замолчите...

Старая госпожа Вэй грубо отпихнула дочь:

— Тебе-то что? Кто они такие, чтобы мне указывать?! Мой внук — великий книжник, в этом году он сдаст экзамены и станет важным человеком! А моя доченька весной обручится с молодым господином из самого поместья Ли, что в городе! Все знают, какое это богатое семейство!

Она победно взглянула на стражников:

— У поместья Ли есть связи в управе, и вы, дворцовые псы, должны знать об этом лучше меня!

— Вот как? — Длиннолицая женщина холодно усмехнулась. — Выйдет ли из твоего внука ученый — не ведаю. Но я — старшая прислужница при вдове-хозяйке поместья Ли. И что-то я не припомню, чтобы кто-то из наших законных молодых господ собирался свататься к девице из деревни Маоси.

Старуха осеклась. Глаза ее округлились:

— Ты... ты чья, говоришь?

Вэй Линьлан застыла, в ужасе прикрыв рот ладонью.

Прислужница же, не удостоив их больше взглядом, подошла к Горшочку. Она заботливо поправила меховой воротник на шее малыша и ласково улыбнулась:

— Ох, малютка, за те несколько дней, что мы не виделись, ты как будто еще больше округлился. Удобно ли тебе в меху, что подарила старая госпожа?

— Удобно, — Горшочек послушно кивнул. — Очень тепло.

Женщина погладила его по щеке и повернулась к Вэй Чэну:

— В прошлый раз хозяйка приглашала вас в гости, но вы торопились домой. Она всё это время беспокоилась о вас. И раз уж выпал случай передать награду, она велела нам привезти вам немного еды и одежды.

Стражники открыли две принесенные корзины. В первой лежали два полных комплекта

добротной одежды, во второй — всяческая снедь.

— Вот ведь удача у парня! — загалдели в толпе. — Вы посмотрите на ткань! Это же не какая-то грубая холстина, а настоящий шелк с вышивкой! Ох и дорого, небось!

— А запах-то какой... Жареной курицей пахнет, не иначе...

Вэй Чэн поклонился:

— Мы еще не успели поблагодарить госпожу лично, а она уже снова о нас заботится...

— Госпожа еще в тот день велела подготовить подарки, — улынулась прислужница. — Не переживай, сейчас дороги тяжелые, мы и сами с трудом добрались. Не стоит вам, детям, в такой холод в город путь держать. Наведаетесь к ней, как потеплеет.

Она оглянулась на стражников:

— Раз уж господа офицеры всё равно здесь, может, они помогут вам донести эти корзины до дома?

Юноша на мгновение задумался, а затем сложил руки в приветствии перед чернолицым приставом:

— Господин, у меня есть к вам просьба. Не могли бы вы стать моим свидетелем?

Офицеру пришелся по душе твердый нрав юноши.

— Говори, помогу.

Вэй Чэн легонько коснулся меха на шее брата и перевел взгляд на Вэй Тяня и Вэй Линьлан:

— Этот воротник подарила моему брату старая госпожа из поместья Ли, когда мы поймали вора. Но люди, которых я считал своими родственниками, увидев вещь, тут же обвинили нас в краже. Мол, раз мы носим мех — значит, украли. Но если наш мех ворованный, то откуда взялся твой?

— Мой... это... — Вэй Линьлан осеклась, с опаской косясь на женщину из поместья.

Вэй Чэн быстро сообразил, к чему всё идет.

— Нечего сказать? Твой воротник удивительно похож на тот, что госпожа Ли подарила Горшочку. Уж не ты ли сама его украла?

Раз они не постыдились всенародно назвать его вором, то и ему незачем было щадить их

чувства.

— Нет, я не... это... — Девушка задрожала от страха.

Старая госпожа Вэй поспешила на помощь дочери:

— Ничего мы не крали! Я сама купила его для своей девочки!

Услышав это, длиннолицая прислужница не выдержала и рассмеялась:

— Этот мех наш господин привез из самой столицы провинции. Лучшие шкурки он отдал матушке, а из оставшихся обрезков дворовые мастерицы сшили еще несколько воротников. Вот только один из них недавно пропал.

В поместье и правда долго искали ту вещицу, даже сам хозяин интересовался. Кто бы мог подумать, что пропажа обнаружится в деревне Маоси на шее какой-то девицы! Прислужница мигом смекнула: видно, кто-то из домашних воришек сговорился с этой семьей.

Вэй Линьлан отшатнулась, вцепившись в мех на своей шее:

— Я не крала... это... это мне один друг подарил! Нет, одолжил!

— Видно, тот «друг» и есть вор, — отрезал Вэй Чэн.

Она в запальчивости выкрикнула:

— Быть не может! Ли-лан — молодой господин из поместья Ли!

В толпе тут же поднялся гул:

— Как это — господин из поместья Ли одолжил?

— Сама же женщина из поместья сказала, что не слыхала о женитьбе их господ на деревенских! О каком тогда «господине» Вэй всё уши прожужжали?

— Уж не мошенник ли этот их «Ли-лан»?

— Он не мошенник! — вскинулась Вэй Линьлан. — Мы с матушкой даже обедали вместе с его родительницей!

Девушка предпочла не упоминать, что та женщина в основном выпрашивала об успехах ее племянника Вэй Чжи.

Кто-то из толпы крикнул:

— Раз он не обманщик, так назови имя! Пусть госпожа прислужница скажет, есть ли такой в их доме!

Старая госпожа Вэй выкрикнула первой:

— Его зовут Ли Юньань! Как он может быть не господином, когда и одевается, и тратит деньги как самый настоящий старший сын!

Прислужница холодно процедила:

— В нашем поместье лишь двое молодых господ. Старший давно женат и растит детей, а младшему всего двенадцать, и он целыми днями пропадает в школе. Не знаю, о ком вы толкуете!

Она сделала паузу, многозначительно глядя на Вэев:

— Похоже, кто-то, прикрываясь добрым именем нашей семьи, занимается мошенничеством, да еще и прихватил наше добро.

Она кивнула своей помощнице:

— Забери нашу вещь. Пусть старая госпожа сама решает, звать ли стражу или сперва разобраться с домашними ворами!

Вторая женщина шагнула вперед и одним резким движением сорвала мех с шеи Вэй Линьлан. Та вскрикнула:

— Отдай! Это Ли-лан...

Старуха попыталась было вцепиться в женщину, но та, привычная к тяжелому труду, лишь легко отпихнула изнеженную девицу и хромую старуху. Те едва устояли на ногах.

Вэй Чэн холодно наблюдал за этой сценой. Затем он достал из-за пояса старый, потертый кошелек и протянул его Фан Вэню:

— Ты говорил, что видел, как я с этим «женским» кошельком покупал сладости?

Фан Вэнь, чей гонор давно испарился под взглядами стражи, лишь испуганно кивнул.

Юноша с горькой усмешкой поднес кошелек к самому лицу Старой госпожи Вэй:

— Когда Вэй Саньнянь избил меня до крови, староста и Мо-фулан заставили тебя вернуть мне несколько медных монет. И ты швырнула Мо-фулану именно этот кошелек — на глазах у всей деревни! Я не умею шить и вышивать, потому и пользовался тем, что было под рукой.

Он обернулся к Фан Вэню:

— Что плохого в том, что я покупаю сладости? Что плохого в том, что я живу в достатке? Я трачу деньги, которые заработал потом и кровью, таская дрова в город, чтобы порадовать брата. С чего ты взял, что это краденое? Или только тебе дозволено лакомиться пастилой, а если другие едят — то воры?

Вэй Чэн с презрением смотрел в глаза парню:

— И ты называешь себя ученым мужем? Неужто в книгах тебя учили подглядывать в чужие щели и подслушивать под дверями, как последнюю деревенскую шавку?

Фан Вэнь то краснел, то бледнел, лепеча:

— Нет... я не...

— В день свадьбы Ли Саньлана я принес в их дом подарок, — продолжал Вэй Чэн. — Я не хотел лишних пересудов, поэтому мы заперлись и я отдал кувшины прямо в руки хозяйке. Откуда бы тебе об этом знать, если бы ты не приник ухом к двери?

Он посмотрел на жену старосты:

— Тетушка, неужто вы сами рассказали ему?

Женщина возмущенно всплеснула руками:

— Да с чего бы мне с этим малым такие дела обсуждать! Кроме нас с мужем да молодых, никто об этом не ведал. Мы и детям-то сказали лишь затем, чтобы они твою доброту помнили. Видно, и правда этот негодник под дверями ошивался!

Сельчане зашушукались:

— Гляди-ка, сын семьи Фан только и делает, что по деревне шатается, вряд ли из него толк выйдет! Под дверями слушает — видать, всё учение псу под хвост!

— Мать его всё хвалится, какой он грамотей, а я его за всю зиму ни разу за книгой не видел!

— Непонятно, чем ему Чэн-эр так насолил, что он такие небылицы плетет...

Матушка Фан попыталась оправдаться:

— Наш Вэнь-эр не лгал! Это всё Вэй Тянь его подговорил! Тот Вэй Чэна с самого начала терпеть не мог, вот и забивал нашему мальчику голову всякой чепухой!

Услышав это, вторая ветвь семьи Вэй вскинулась в ответном гневе:

— Мой сын подговорил?! Наш Вэй Тянь хоть и грамоте не обучен, а знает, что под дверями

слушать — позор! Видно, ваш сын не те книги читает!

Пока матушка Фан и Вэй-эрнянь костили друг друга на чем свет стоит, Фан Вэнь попытался было улизнуть, но чернолицый пристав преградил ему путь.

— Заварил кашу — так не смей бежать! Куда это ты наострился?! — рявкнул он.

Увидев острое лезвие на поясе стражника, парень затрясся мелкой дрожжей. Колени его подогнулись, и он свалился прямо в грязь, завывая:

— Виноват! Я виноват! Не должен был я Вэй Чэна вором называть, не должен был с Вэй Тянем сговариваться!

Вэй Чэн снова обратился к приставу:

— У меня нет ни отца, ни матери, лишь маленький брат рядом. Живем мы бедно, но никогда не брали чужого. Я просил вас стать свидетелем, потому что господин судья только что наградил нас за поимку преступника, а эти люди в то же самое время называют нас ворами. Мое имя — ничто, но своими словами они, по сути, заявляют, что господин судья ошибся и доверился недостойным...

Офицер не дослушал. Со свистом он выхватил из ножен сверкающий клинок. Крестьяне в ужасе отпрянули.

— Если еще хоть одна душа посмеет бездоказательно порочить Вэй Чэна и его брата, — прогрохотал он, — я лично заберу этого смутьяна в управу для допроса!

Кто-то из смельчаков робко отозвался:

— Не посмеем, господин... не посмеем...

Пристав с коротким лязгом вернул меч в ножны и посмотрел на юношу:

— Время позднее. Давай поможем тебе донести подарки от госпожи Ли, да и нам пора возвращаться с докладом.

Вэй Чэн с готовностью кивнул и, подхватив Горшочка, повел гостей к своей хижине.

Едва стражники и прислужницы скрылись за воротами, матушка Фан вдруг истошно закричала:

— Сынок! Вэнь-эр! Что с тобой?! Не пугай мать!

Люди обернулись и увидели, что под сидящим на земле Фан Вэнем расплывается большая мокрая лужа.

— Тьфу, — сплюнул кто-то. — Вот ведь никчемный! От одного вида сабли обмочился!

Толпа начала расходиться, и у каждого на уме было свое:

— Говорили, малютка тот беду приносит... А я гляжу — как появился он, так у Вэй Чэна дела в гору пошли.

— И не говори! Пошел дрова продавать — и вора поймал, да двадцать лянов получил!

— Да еще и в поместье Ли в почете. Видели, какие корзины привезли?

Кто-то из сельчан нарочно подошел к Ван Чжуанцзы и его жене:

— Эх, Чжуанцзы, ну и дурак же ты! Кабы ты тогда к малютке получше отнесся, глядишь, эти двадцать лянов сейчас твоими были бы...

После того позора Ван Чжуанцзы почти не показывался на людях, и сейчас Чжэн-ши лишь горестно вздохнула:

— Да мы ведь... мы ведь не со зла. Мы и сами всё о малютке думали...

Собеседник подлил масла в огонь:

— Так чего же вы ждете? Попробуйте забрать его! Вэй Чэн сам еще ребенок, разве он сможет малютку выходить? Как ни крути, а дитя мать всегда узнает. Покрутись рядом с ним, глядишь, он к тебе и потянется!

Супруги переглянулись. В их глазах вспыхнул недобрый огонек надежды.

Дом семьи Вэй.

Едва вернувшись, Вэй Линьлан закатила бурную истерику. Старая госпожа Вэй пыталась ее утешить:

— Не плачь, доченька, не плачь... Может, та баба и не из Ли вовсе была...

Девушка указала на свою теперь уже пустую шею и зарыдала еще громче:

— Как это — не из Ли?! Ты видела, как стража перед ней расшаркивалась?! Конечно, она оттуда! Наверняка она увидела, как мы к Вэй Чэну относимся, и решила, что я ей не ровня!

Затем она набросилась на Вэй Тяня:

— Это всё из-за тебя! Не назови ты Вэй Чэна вором, никто бы не узнал, что Ли-лан мне подарки дарит! Теперь все думают, что я ворованное ношу!

Вэй Тянь стоял ни жив ни мертв:

— Тетушка, я же... я же не знал...

Старая госпожа Вэй, злясь на тощего и вечно голодного внука, махнула рукой:

— Прочь отсюда! Сгинь с глаз, не доводи тетку до греха!

— А ну, иди сюда, Вэй Тянь! — раздался голос из соседней комнаты. Вторая невестка не выдержала: — С чего это мой сын тебе не мил?! Когда вы на каждом углу о его успехах в грамоте трезвонили, этот ваш Ли-лан на вас и глядел-то только из-за него! Что ж тогда не гнали?!

Старуха засуетилась:

— Мы же одна семья, невестка, к чему такие речи!

— Одна семья? Ну уж нет, больше — никогда!

Вэй-эрнянь холодно усмехнулась:

— Одна из нас неизвестно чьи обноски принимает, а другие... — она покосилась на плотно закрытую дверь комнаты третьего дяди, — другие такие грехи на душу взяли, что чуть жизни не лишились. Сыта я по горло вашей семейкой. Мы отделяемся!

Старая госпожа Вэй ахнула, даже Линьлан замолкла:

— Отделяетесь?..

Старуха посмотрела на угрюмо молчавшего Вэй Эрняня:

— Второе дитя, ты... ты что же, и вправду от брата и сестры уйти хочешь?

Вэй Эрнянь бросил быстрый взгляд на мать и снова опустил голову:

— Да. Будем жить отдельно!

Город Ючжоу, поместье Ли.

Старая госпожа Ли сидела на почетном месте, сурово глядя на стоящих перед ней на коленях Ли Юньяня, его мать Линь-нянцзы и дрожащего от страха слугу из кладовой.

Линь-нянцзы рыдала, размазывая слезы по лицу:

— Господин, я виновата! Не стоило мне брать вещи из кладовой... Умоляю, пощадите нас с сыном!

Хозяин дома, Ли-дае, лишь гневно хмыкнул, не проронив ни слова.

— Линь-нянцзы, — ледяным тоном заговорила старая госпожа. — Мой сын каждый месяц выдает тебе десятки лянов на расходы, и я никогда не лезла в его дела. Но твоя жадность не знает границ. Ты годами обкрадывала этот дом, сговорившись с прислугой! Если бы сегодня это не вскрылось, мы бы так и оставались в дураках!

Женщина продолжала причитать:

— Простите... матушка, умоляю, пощадите...

Старая госпожа перевела взгляд на сжавшегося Ли Юньяня:

— А ты? Неужто ты сотворил какое непотребство с той девицей из деревни?

— Нет, бабушка, клянусь — нет! — затараторил он. — Я лишь пару раз коснулся ее руки, и больше — ничего, честное слово!

Старая госпожа хлопнула ладонью по столу:

— Говори правду!

— Бабушка, клянусь небом! — Юньянь затрясся. — Я только за руки ее держал!

Старуха пристально посмотрела ему в глаза и, убедившись, что он не лжет, произнесла:

— Чтобы духу твоего рядом с ней больше не было! Хоть ты и не из нашего рода, но кормишься за счет поместья Ли. Мои деньги не пойдут на содержание таких нечистоплотных девиц.

Затем она повернулась к сыну:

— Отныне всё, что они едят и носят, буду выделять я лично. Тебе запрещаю в это вмешиваться.

Ли-дае склонил голову:

— Слушаюсь, матушка. Всё исполню.

Старая госпожа поднялась:

— А этих двоих... — она указала на вороватых слуг, — сам решай: в управу их сдать или продать с глаз долой.

Вернувшись в свои покои, она спросила длиннолицую прислужницу:

— Ну, как там те двое ребят?

Женщина подробно описала хижину у подножия горы и, достав из рукава сплетенную из сухой травы стрекозу, с улыбкой добавила:

— Это малютка велел вам передать.

Старая госпожа Ли приняла игрушку так бережно, словно это была драгоценность. Долго разглядывала ее, а затем улыбнулась:

— Неужто кроха сам сплел?

— Брат его научил. Когда мы уходили, он так забавно засеменял следом, наказал обязательно вам привезти. Сказал, что очень любит эту стрекозу. А еще велел передать, чтобы вы его ждали — как придет весна, они с братом обязательно навещат вас. Чудесный ребенок, право дело.

Старая госпожа аккуратно положила травяную стрекозу в свой ларец, полный золота и нефрита.

— И впрямь удивительно... Видела я их всего раз, а как вспомню — так на душе теплеет. Особенно от этого крохи.

— Так ведь недаром говорят: люди встречаются по велению судьбы! — подхватила прислужница. — Видать, есть у вас с ними особая связь!

Старая госпожа Ли довольно рассмеялась:

— Твоя правда.

Вэй Чэн надеялся на награду, но двадцать лянов серебра превзошли все его ожидания!

Он бережно спрятал монеты в маленький глиняный горшочек брата и, глядя на него, произнес:

— Подумать только... У нас уже сорок лянов серебра!

Горшочек радостно запрыгал:

— Купим много-много мяса!

— Купим, обязательно купим, — Вэй Чэн с улыбкой погладил его по голове. Затем, посерьезнев, добавил: — Сегодня было так много людей... Ты не испугался?

Малыш решительно качнул головой:

— Горшочек не боится! Горшочек не боится плохих людей!

Юноша рассмеялся:

— И то верно. Совсем забыл, что наш Горшочек — храбрец. Ну, давай посмотрим, что нам привезли от бабушки.

В первой корзине оказались два комплекта теплых стеганых халатов — один побольше, другой поменьше. Оба были темного цвета и идеально подходили им по размеру. Там же нашлись и две пары матерчатых туфель.

Горшочек коснулся ткани, и глаза его засияли:

— Такая гладкая!

Вэй Чэн тоже пощупал материал: после их грубой холстины эта ткань казалась невероятно нежной.

Вторая корзина была доверху набита едой. Юноша достал верхний сверток, завернутый в промасленную бумагу. По комнате тут же разлился дразнящий аромат жареного мяса со специями.

— Похоже, это баранья нога, — заключил он.

Баранина была дорогой — не меньше пятидесяти-шестидесяти монет за цзинь.

Малыш, присев у корзины, указал на круглый сверток:

— Братик, а это что?

Вэй Чэн развернул бумагу: внутри лежали крупные плоды.

— Это хурма.

Дикая хурма росла в лесах повсюду, но зимой ее ели в основном сушеной. Свежую, сочную

хурму в это время года могли позволить себе немногие.

Юноша выбрал один плод, сполоснул его талой водой и протянул брату:

— Попробуй.

Горшочек осторожно откусил кусочек, и лицо его забавно сморщилось:

— Горько...

— Горько? — удивился Вэй Чэн. Поняв, в чем дело, он аккуратно снял плотную кожицу, обнажив алую медовую мякоть. — А так?

Малыш снова откусил и просиял:

— Сладкая!

— Ешь, а я пока всё разберу.

Кроме бараньей ноги и свежей хурмы, в корзине нашлись четыре коробки с изысканными пирожными, мешочек с дорогой пастилой и целая жирная жареная курица.

Вэй Чэн посмотрел на брата:

— Как думаешь, стоит нам поделиться этим с добрыми людьми?

Малыш, чей рот и нос были перепачканы сладким соком, послушно ответил:

— Да!

Многие в деревне видели, какие богатства им привезли, и скрывать это было бы неразумно. К тому же, стоило отблагодарить тех, кто им помогал.

Вэй Чэн разделил баранью ногу и курицу пополам. Половину он оставил им, а остальное аккуратно завернул, чтобы отнести в дома старосты и Доумяо. Травнику Ци он решил подарить две коробки пирожных и пару плодов хурмы.

На следующее утро Вэй Чэн, подхватив Горшочка и гостинцы, открыто направился к домам соседей. Сельчане, что еще вчера злословили за спиной, теперь расплывались в улыбках. Некоторые даже пытались погладить Горшочка по щеке.

Юноша вежливо, но твердо уклонялся:

— Он не любит, когда его трогают чужие.

Одна из женщин смущенно отдернула руку, а стоявший рядом мужик, весело подмигнув, спросил:

— Эй, малец, назови меня папашей — и я заберу тебя к себе!

Горшочек серьезно посмотрел на него и тонким голоском уточнил:

— Позвать... кем?

— Папашей.

— Нельзя, — он покачал головой, и его маленькие бровки строго сошлись на переносице. — Горшочек еще слишком маленький, чтобы быть твоим папой!

Мужик от такого ответа только глаза вытаращил, не зная, что и сказать.

<http://bllate.org/book/15346/1372684>